

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М. ГОРЬКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ
ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К 80-летию со дня рождения
Владимира Федоровича ГЕНИНГА

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2005

ББК Т4(2р36)+Т4(2р5)
А 874

Археология Урала и Западной Сибири

(К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга): Сб. науч. тр.
Екатеринбург, 2005. – 256 с.

В сборник вошли воспоминания об основателе школы зауральских археологов В.Ф. Генинге его учеников и коллег, статьи по различным дискуссионным проблемам археологической науки, публикации археологических памятников Урала и Западной Сибири

На вклейке – фото В.Ф. Генинга из архива Н.Б. Виноградова

Научный редактор:

канд. ист. наук В.А. Борзунов (Уральский госуниверситет)

Члены редколлегии:

канд. ист. наук Л.И. Ашихмина (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН),
зав. ПНИАЛ УрГУ В.И. Стефанов (Уральский госуниверситет),
докт. ист. наук, профессор А.Ф. Шорин (Институт истории и археологии УрО РАН)

© Верстка и оригинал-макет – М.В.Чарин

© Уральский государственный университет,
Проблемная научно-исследовательская
археологическая лаборатория

ISBN 5-7525-1423-1

В.Ф. ГЕНИНГ И СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ ПРИКАМЬЯ

Владимир Федорович Генинг (1924-1993) оставил огромное научное наследие. Наряду с изучением проблем древней и средневековой археологии Урала и Западной Сибири, финно-угорской археологии Прикамья и Поволжья, разработкой методов статистического анализа археологических источников, исследованием индоиранской проблематики, некоторых аспектов теории и методологии истории первобытного общества, этнических процессов в первобытности, ученый не оставлял без внимания любые дискуссионные вопросы, которых касался хотя бы вскользь. В числе таковых — освоение Прикамья выходцами из Русского государства.

Будучи студентом Пермского университета, В.Ф. Генинг обследовал в 1949 г. Искорское городище — одно из первых древнерусских поселений городского типа в Перми Великой (Оборин и др., 1976, с. 40). Судя по всему, он участвовал в исследовании ряда строгановских городков в составе Камской археологической экспедиции, которую возглавлял О.Н. Бадер. В 1950 г. В.Ф. Генинг и В.А. Оборин провели разведочные работы на Осинском городище (Ново-Никольская слобода). На русской части данного памятника (площадь ее — около 2,3 га) археологи заложили 6 шурфов, 2 небольших (16 и 4 кв. м) раскопа и сняли профиль культурного слоя после зачистки стенки водопроводной траншеи длиной более 160 м. В 1956 г. В.Ф. Генинг провел стационарные исследования в центральной части памятника, вскрыв двумя раскопами 210 кв. м. Наряду с напластованиями ананьинско-гладеновского времени, здесь был выявлен русский культурный слой XVI — XVII вв. мощностью до 60 см, который был нарушен православным кладбищем XVIII — XIX вв. и современными постройками. Удалось зафиксировать оборонительные сооружения: ров шириной 10 и глубиной 2,8 м, а вдоль края площадки — срубные городни с земляной забутовкой. В раскопе также обнаружены ос-

татки жилых домов с развалами печей и следы частоколов по границам усадеб. Собран значительный вещевой инвентарь XVI — XVII вв.: керамические изразцы, посуда, грузила и другие находки (Генинг, 1959а, с. 164-173). К сожалению, судьба полевой документации и коллекции вещей русской части памятника неизвестна.

В 1954 г. В.Ф. Генинг возглавил созданную в Ижевске Удмуртскую археологическую экспедицию. Ее отряды провели обследование ряда районов Удмуртии и Кировской области, где было открыто немало новых памятников, в том числе русских. В 1955 г. в с. Гоньба Малмыжского района Кировской области ученый обнаружил не менее трех погребений русского православного могильника XVI — XVIII вв. (Генинг, 1955, с. 15-16). В 1957 г. отряд той же экспедиции под руководством Л.М. Еговкиной провел разведку на Средней Вятке. В ходе нее были обследованы древнерусские городища (Котельничское, Ковровское, Шабалинское, Тороповское, Орловское, Чижевское, Кривоборское) и более ранние укрепленные поселения с русскими слоями (Скорняковское, Вершиняцкое). Кроме поселенческих слоев на Орловском городище обнаружены три погребения православного могильника XVI — XVIII вв. (Еговкина, 1957, с. 1-25).

В рукописи, приложенной к отчету Л.М. Еговкиной, В.Ф. Генинг выделил три группы средневятских городищ: ананьинскую, раннесредневековую и русскую. При этом начало заселения р. Вятки русскими он отнес к концу XIV в. Этот вывод В.Ф. Генинг обосновал данными русских летописей, в том числе первым упоминанием в них Вятки под 1374 г. Что касается археологических материалов, то ученый, помимо анализа топографии памятников, мог обратиться лишь к керамическому комплексу. Несмотря на малочисленность последнего, В.Ф. Генинг выделил четыре типа горшков, отдельные экземпляры иных форм посуды, включая одну миску.

Им же составлены три таблицы рисунков керамики городищ Котельничского, Орловского, Шабалинского и Ковровского. Автор приложения к отчету зафиксировал следующие технологические и орнаментальные особенности посуды: использование в ряде случаев ручного гончарного круга, донную подсыпку, господство в тесте мелкозернистого песка и немногочисленность крупнозернистого при полном отсутствии других примесей, слабый обжиг ранней посуды, единичность орнаментации и разнообразную цветовую гамму черепков. Для уточнения датировки вятской керамики ученый обратился к разработкам Г.П. Смирновой по новгородской посуде (Смирнова, 1956, с. 228-248) и определил наибольшую близость рассматриваемого комплекса керамике типа IV (вид «Г»), бытовавшей в Новгороде в XI — середине XIII вв. (Генинг, 1957, с. 25-45). При этом он отметил: «Аналогии вятской керамики дают довольно ранние (даты — Л. М.), по крайней мере, XIII в., но едва ли этим временем можно датировать собранные материалы, их еще слишком мало. Учитывая полное отсутствие в примесях дресвы, что характерно для русской керамики вплоть до XIII и даже XIV вв., а также в общем все-таки довольно крутой изгиб у плечиков для всех сосудов (у ранних русских форм этот изгиб гораздо меньший) и очень редкую орнаментацию сосудов, наиболее ранняя дата вятского комплекса керамики не выходит, очевидно, за пределы XIV в. Причем по фактуре, формам, цвету керамика Шабалинского, Ковровского и Топорковского (так у автора обозначены первое и третье — Л.М.) городищ относится только к самому раннему периоду. Верхние культурные напластования Котельнича и Орлова датируются XVI и XVII вв., что не исключает, конечно, здесь и находок XVIII — XIX вв., поскольку остатки этих городищ находятся в центре современных городов» (Генинг, 1957, с. 45, 46).

Приведенный отрывок из статьи В.Ф. Генинга показывает, насколько тонким исследователем чутким обладал ученый. Обращаясь к материалу, ему практически неизвестному*, он, тем не менее, сумел правильно его оценить и датировать. Лишь масштабные раскопки русских памятников, проведенные Л.П. Гуссаковским (первых их итогов В.Ф. Генинг, очевидно, не знал), позволили поставить вопрос о более раннем проникновении славян на Среднюю Вятку: не

позднее конца XII — начала XIII вв. (Гуссаковский, 1962, с. 118-121). Это заключение подтверждено и моими исследованиями (Макаров, 1985, с. 5-14). Что касается керамики, то выборка, на основании которой В.Ф. Генинг делал свои выводы, была чрезвычайно мала и в основном происходила с памятников (или слоев) позднего времени. Ранние напластования русского периода были выявлены только в ходе раскопок Л.П. Гуссаковского в Орлове (1967, с. 102-105) и моих — в Коврове, Шабалино и Котельниче (Макаров, 1980, с. 152; 1983, с. 158; 1984, с. 156-157). При этом среди находок весьма заметный процент составила именно керамика с дресвой и архаичной профилировкой сосудов (Салангин, 1999, с. 9-11). Кроме того, обнаружены вещи, подтверждающие раннюю датировку памятников. Здесь не приводятся данные по другим поселениям (Никулицын, Вятка-Хлынов), ранние материалы которых ученый, по-видимому, не только не анализировал, но, очевидно, и не видел.

В 1958 г. В.Ф. Генинг опубликовал книгу «Археологические памятники Удмуртии». В ней содержится не только полный для того времени каталог древностей нашей республики, но и дается понятие об археологии как исторической науке, описываются виды археологических памятников, методы их раскопок, дается представление о местных археологических культурах и хронологии археологических памятников, излагается история археологических исследований в Удмуртии. Главное место в монографии занимает очерк «Основные этапы развития ранней истории Удмуртии» (Генинг, 1958, с. 26-122). Далее ученый знакомит читателя с методикой первичного изучения памятников, включая их обнаружение, охрану, составление описаний и топографических планов, сбор вещевых материалов и их паспортизацию.

В очерке В.Ф. Генинг утверждает, что «оплотом русских поселений на Вятке был город Хлынов, возникший в конце XIV в., вероятно, где-то в районе современного гор. Кирова. Хлынов вначале принадлежал Ростово-Суздальскому княжеству, а в 1489 году перешел к Москве. С этого времени начинается интенсивное продвижение русских на восток на Верхнюю Каму и в среду удмуртских племен на Чепцу» (Там же, с. 116). Данные выводы неточны, но вполне понятны. Заключение о принадлежности

* До этого случая В.Ф. Генинг вряд ли имел какое-либо отношение к русской керамике. Русские материалы Искорского и Осинского городищ, судя по всему, не вызывали у него особого интереса. Тем более что они были предметом специального исследования В.А. Оборина.

Вятки вплоть до 1489 г. Ростово-Суздальскому княжеству, очевидно, было навязано господствовавшими тогда взглядами ведущих вятских историков П.Н. Луппова и А.В. Эммаусского. Однако после археологических раскопок одним из этих исследователей многие выводы были пересмотрены (Эммаусский, 1996, с. 27-37).

Характеризуя памятники XVI – XVIII вв., В.Ф. Генинг упоминает селища, где найдены «...обломки посуды черноватого цвета, изготовленной на гончарном круге, которая в XV – XVI вв. полностью вытесняет лепную посуду. В глиняном тесте этой посуды всегда имеется примесь песка, обжиг ее печной, довольно высокий, отчего черепки плотные и крепкие. Нередко на таких поселениях находят железные вещи: ножи, топоры, косы и пр. Сохранились также остатки строений, но что они из себя представляют, мы пока не знаем» (Генинг, 1958, с. 117). В «Материалах к археологической карте Удмуртии» фигурируют памятники, сохранившие упомянутую выше круговую керамику и отдельные вещи, связанные, в том числе, с русскими поселенцами. Это селища Гуляевское, Абылемское, Начар-Котыинское, Табаневское, Малиновское, Можгинское, Черный Лог, «Старые Селища», Заринское, Пуроможгинское, Черновское, Куралихинское, Больше-Киварское II, Дубровинское II, поселение на месте Сарапульского II могильника, (Генинг, 1958, №№ 13, 15, 27, 36, 44, 47, 53, 172, 208, 296, 301, 336, 345, 348, 353), городища Кривоборское, Елабужское (Чортово), Ильнешское, Зуевоключевское I, Момылевское (Там же, №№ 63, 167, 193, 222, 287), могильники Юшковский (на городище), Сарапульские I и II, Болгурский (Там же, №№ 293, 296, 297, 332), клады древнерусского серебра и русских монет XVI и XVII вв. – Лыстемский, Елабужский, Ижевский (Там же, №№ 19, 168, 211), местонахождения Болгурское и Романовское (Там же, №№ 332, 333).

В 1970-1972 гг. Удмуртский отряд Нижнекамской экспедиции под руководством В.Ф. Генинга исследовал Зуево-Ключевское I городище на р. Каме, в Каракулинском районе Удмуртской Республики. В юго-восточной части памятника обнаружены различные предметы хозяйственного назначения, изготовленные из меди (рыболовная блесна, фрагмент котелка) и железа – коса-горбуша, удила (4 экз.), ножи (3 экз.), обломки обуха и лезвия плотницких топоров, боевой (?) топор, замки (2 экз.) и ключ.

Здесь же зафиксированы два десятка хозяйственных ям, оставшихся, по мнению исследователей, от русского поселения XVII – XVIII вв. (Ашихмина, Генинг, Голдина, 1972, с. 183; Ашихмина, Генинг, 1973, с. 156). Правда, находки круговой керамики ни в отчетах, ни в публикациях не упомянуты. По рассказам участников раскопок, с поздними материалами не церемонились и попросту выкидывали. Такие материалы считали современными либо относящимися к XVIII – XIX вв.; лишь часть предметов, явно более ранних, оставляли в коллекции. Судя по всему, судьбу выброса разделила вся круговая посуда. Между тем, в раскопе 1997 г. Е.М. Черных обнаружила фрагмент древнерусского горшка («славяно-идного» типа), с линейно-волнистым орнаментом и примесью точеных раковин в тесте.

Вецевой комплекс, отнесенный исследователями городища к XVII – XVIII вв.*, на самом деле бытовал и раньше – в древнерусское время. Так, замки типа «Д» известны на Руси в XIV – середине XV вв., а ключи типа «В» (Ашихмина, 1972, рис. 53 – 56-58) – во второй половине XII – первой половине XV вв. (Колчин, 1982, с. 160, рис. 3). Коленчатые светцы (Ашихмина, 1972, рис. 53 – 61) появляются в домонгольское время (Колчин, 1959, рис. 83 – 3) и встречаются на памятниках XIII – XV вв. Топоры утяжеленных типов (Генинг, 1971, рис. 71 – 41; Ашихмина, 1972, рис. 53 – 60) распространены в русских землях и на их периферии во второй половине XIV – XVI вв. (Колчин, 1959, рис. 9 – 9, 10; 12; 1982, с. 164, рис. 4). Топор индивидуальной формы, возможно боевой (Ашихмина, 1972, рис. 53 – 51), использовался, по-видимому, в это же время: его конструктивные прототипы известны на Руси еще в домонгольское время (Кирпичников, 1966, табл. XII, XVIII). Другие находки датируются широко. Например, удила с псалями, изогнутыми в виде конских голов (Ашихмина, 1972, рис. 53 – 59), известны в неволинских могильниках Прикамья VII – VIII вв. (Голдина, Водолаго, 1990, с. 87, Табл. L – 9, 12) и на Руси с IX в. Вместе с тем, конструкция типа II наиболее характерна с XII – XIII вв., а ее «рациональность» предопределила производство таких изделий вплоть до XX в. (Кирпичников, 1973, с. 13-16, рис. 4 – 2; 5 – 1, 2; табл. I – 2). Кольчатые удила (Генинг, 1971, рис. 71 – 37, 39; Ашихмина, 1972, рис. 53 – 50) датируются столь

* В отчете 1971 г. (Генинг, 1971, с. 71), со ссылкой на сводную работу А.В. Никитина (1971, с. 37-38, табл. 1 – 5; 2 – 2; 4 – 10; 5 – 1), приведена дата XVI – XVII вв., что ближе к истине.

же широко. Это же касается ножей (Генинг, 1971, рис. 71 — 36; Ашихмина, 1972, рис. 53 — 52, 53). Таким образом, вещевой материал позднего времени позволяет определить период русско-го поселения на городище XIV — XV вв.

Приблизительно в 50 м к северо-востоку от поселенческих остатков, в восточной части городища обнаружены следы могильника. В нем преобладают позднеананьинские захоронения с широтной ориентацией (покойные уложены ногами к реке). Пять могил относятся к позднему средневековью. Покойные ориентированы головами на юго-запад, их руки расположены на поясе или в области таза. В одном из погребений (№ 44) найдены бронзовые серьги и пластинчатый щитковый перстень (Ашихмина, 1972, с. 48, рис. 53 — 9, 12, 13), что дало основание отнести эти захоронения к памятникам удмуртов XVII — XVIII вв. (Шутова, 1992, с. 255). Тем не менее отмеченные выше находки известны и на русских памятниках. Так, серьги в виде знака вопроса появились на Руси в XIV в. и имели некоторое распространение в XIV — XV вв., в том числе в Новгороде (Седова, 1981, с. 16, рис. 3 — 1, 2, 9). Похожая серьга с оформлением вместо бусины металлическими колечками-«кудряшками» — прием, известный в Новгороде (Там же, рис. 3 — 3), — обнаружена автором при исследовании Никульчинского городища в сооружении XV в. Аналогичные перстни бытовали в Новгороде (Седова, 1981, с. 135-136, рис. 49 — 9-11), на Вятке и в других русских землях в XII — XIV вв. К сожалению, бронзовая и железная поделки из погребения № 31 никак «не расшифрованы», хотя по ориентации (покойный ориентирован головой на юго-запад), оно относится к той же группе поздних захоронений. В иллюстрациях к отчету 1972 г. имеются рисунки трех бронзовых украшений, которые никак не аннотированы, но также датируются древнерусским временем (преимущественно XIII — XIV вв.): финно-пермская грушевидная привеска-бубенчик, поволжско-финская «спиралеконечная» плоская в сечении сьюльгама, а также славянское перстнеобразное проволочное височное кольцо (Ашихмина, 1972, рис. 53 — 4, 5, 8). Отмеченные выше признаки погребального обряда (ориентация и положение рук умерших, малая глубина могил, отсутствие погребального инвентаря в большинстве погребений) позволяют синхронизировать позднюю часть Зуево-Ключевского II могильника с древнерусским поселением XIV — XV вв. и «удревнить» начало заселения Среднего Прикамья выходцами из Древней Руси (Макаров, 2001, с. 32, рис. 83).

Нельзя не отметить исследованные В.Ф. Генингом во второй половине 1950-х гг. памятники эпохи Великого переселения народов. В их числе Азелинский и Суворовский могильники III — V вв., отнесенные ученым к азелинской культуре древних удмуртов, но явно выделяющиеся на фоне других памятников (Генинг, 1963). Уникальные погребальные комплексы исследованы В.Ф. Генингом в 1959-1960 и 1969 гг. на Тураевском могильнике конца IV — первой половины V вв. На данном памятнике найдена керамика, близкая именьковской. Сами погребения, по предположению автора, оставили выходцы из Центральной Азии (Генинг, 1976, с. 55-108). В 1956-1957 гг. В.Ф. Генинг провел раскопки Рождественских могильника и селища в низовьях р. Камы. На селище исследованы 4 полуземлянки с керамикой и вещами IV — V вв. На могильнике вскрыто 23 погребения III — VI вв. Могильные ямы небольших размеров с останками кремирования покойных. В 14 могилах найдено от одного до четырех глиняных сосудов и небольшое количество других предметов, в основном сломанных (Генинг, 1960, с. 131-144). Ученый обобщил материалы памятников, аналогичных Рождественским, и выделил именьковскую культуру. По его мнению, данные памятники были оставлены тюрками, попавшими в Волго-Камье с востока в эпоху Великого переселения народов (Генинг, 1956, с. 43; 1959, с. 208).

Как известно, имеются иные точки зрения относительно этнокультурной принадлежности именьковских племен. В настоящее время ряд специалистов вполне убедительно увязывает именьковские памятники с мигрировавшими в Среднее Поволжье и Прикамье выходцами из ареалов пшеворской, зарубинецкой и черняховской культур. Они оставили здесь памятники славянского и лбищенского типов (II — IV вв. н.э.), а также именьковской культуры (IV — VII вв. н.э.). Считается, что среди пришельцев преобладали праславяне. Вместе с ними пришли также, вероятно, германцы, балты, кельты, ираноязычные сарматы (Матвеева, 1981; 1986; 1997; 1999; Седов, 1994а, с. 49-66; 1994б, с. 309-315; 2001; 2002, с. 245-255; Голдина, 1999, с. 261-262, 274-275; Макаров, 2002, с. 153-154). Р.Д. Голдина связывает Суворовский, Азелинский, Тураевский и Кудашевский некрополи с теми же западными мигрантами, осевшими среди местных пермян (Голдина, 1999, с. 262-174). Сложившийся симбиоз пришлых и местных культур позволил аборигенам воспринять передовые хозяйственно-культурные традиции, включая пашенное земледелие, высоко-

продуктивное скотоводство, развитое кузнечное дело. Некоторые филологи предполагают, что именно в это время в удмуртский язык проникают праславянские лексические и некоторые другие языковые явления (Насибуллин, 1992; Напольских, 1996; Голдина, 1999, с. 289). Впрочем, не все специалисты согласны с этим. Они приводят контраргументы, ряд которых, действительно, трудно опровергнуть или хотя бы объяснить. Одним словом, пока далеко не все однозначно в проблемах генезиса именниковской культуры, а также памятников славянского и лбищенского типов. Это требует решения дискуссионных вопросов, в том числе изучения эт-

нокультурных истоков этих образований. В этой связи заслуживает тщательного анализа предположение В.Ф. Генинга о тюркских корнях именников, несмотря на всю его кажущуюся маловероятность.

В заключение хочется отметить, что взгляды В.Ф. Генинга на славяно-русские памятники Прикамья, хотя и высказывались попутно, отличаются тонкостью наблюдений и оригинальностью суждений. Это делает вклад ученого в изучение этих древностей весьма значительным. Думается, что исследователям еще не раз предстоит возвращаться к научному наследию В.Ф. Генинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И., 1972. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведенных летом 1972 года. Свердловск. Архив ИА РАН. Р-1. № 4685.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971 г. М.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 г. М.
- Генинг В.Ф., 1955. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. Архив УРМ. Д. 4.
- Генинг В.Ф., 1956. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // Тез. докладов на конф. по древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани. М.
- Генинг В.Ф., 1957. Средне-Вятские городища // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. Архив КОКМ, 1957. НВ-75-40.
- Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1959а. Осинское городище // Отчеты КВАЭ. Вып. I. М.
- Генинг В.Ф., 1959б. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань.
- Генинг В.Ф., 1960. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии // МИА. № 80. М.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура III – V вв. // ВАУ. Вып. 5. Свердловск.
- Генинг В.Ф., 1971. Отчет об исследованиях Зуево-Ключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 г. Свердловск. Архив ИА РАН. Р-1. № 4545.
- Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.
- Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
- Гуссаковский Л.П., 1962. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. Вып. 2. Свердловск.
- Гуссаковский Л.П., 1967. Древнерусский город Орлов // КСИА. Вып. 110. М.
- Еговкина Л.М., 1957. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Археологические памятники среднего течения р. Вятки по материалам разведок 1957 г. Архив КОКМ, 1957. НВ-75-40.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. // САИ. Вып. Е1-36. М. – Л.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.

- Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Макаров Л.Д., 1980. Исследование средневековых памятников на Средней Вятке // АО 1979 г. М.
- Макаров Л.Д., 1983. Исследования древнерусских памятников на Средней Вятке // АО 1981 г. М.
- Макаров Л.Д., 1984. Исследования в Котельничском районе Кировской области // АО 1982 г. М.
- Макаров Л.Д., 1985. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X – XV вв. Учебн. пособие. Ижевск.
- Макаров Л.Д., 2002. О проблемах взаимодействия славяно-русского населения с народами Прикамья в первой половине II тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы Междунар. науч. конф.: К 30-летию КВАЭ. Ижевск.
- Матвеева Г.И., 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1986. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н. э. Куйбышев.
- Матвеева Г.И., 1997. О происхождении и культурной принадлежности памятников лбищенского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тез. докладов II Междунар. археологической конф. Самара.
- Матвеева Г.И., 1999. К вопросу о периодизации именьковской культуры // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. докладов конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова. М.
- Напольских В.В., 1996. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. 2. Сыктывкар.
- Насибуллин Р.Ш., 1992. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник УдмГУ. № 6. Ижевск.
- Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI – XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.
- Оборин В.А., Вечтомов А.Д., Голдина Р.Д., Поляков Ю.А., 1976. Археологические памятники Пермской области // Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь.
- Салангин Д.А., 1999. Круговая неполированная посуда Вятского края в XII – XVIII вв. (по археологическим источникам). Автореф. дис.... канд. ист. наук. Ижевск.
- Седов В.В., 1994а. Очерки по археологии славян. М., 1994.
- Седов В.В., 1994б. Славяне в древности. М.
- Седов В.В., 2001. К этногенезу волжских болгар // РА. № 2. М.
- Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
- Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). М.
- Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. М.
- Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск.
- Эммаусский А.В., 1996. История Вятского края в XII – середине XIX века. Киров.